

УДК 94(47)

Посольская служба в русских землях в XIII-XVI вв.

А. В. Беляков,

*Институт российской истории РАН,
г. Москва, Российская Федерация*

Embassy service in Russian lands in the XIII-XVI centuries

A. V. Belyakov,

*Institute of Russian History RAS,
Moscow, Russian Federation*

Аннотация

Анализируются особенности складывания посольской службы в русских землях XIII-XVI вв. В частности рассматривается круг лиц в разное время привлекавшихся к организации и облуживанию контактов с Золотой Ордой и государствами, ставшими ее наследниками: бакшей, бегоули, киличей, толмачи, великокняжеские служилые татары (ордынцы, делюи, числяки). Делается вывод о том, что многие известные составляющие дипломатической службы возникли из необходимости поддерживать постоянные контакты между русскими княжествами и ордынскими ханами. Терминология, обозначавшая круг лиц, привлекавшихся к этому, была позаимствована из ордынской канцелярской практики. Однако на русской почве их обязанности со временем претерпели некоторую эволюцию. Появление ямов также рассматривается, как необходимый элемент для обеспечения бесперебойных контактов между ханом и русскими князьями. Возникшее изначально для облуживания послов и транспортировки дани в Орду, это учреждение со временем видоизменялось. Наблюдения за географией распространения ямов XVI-XVII вв. позволяет выявить наиболее ранние посольские дороги в Орду.

Abstract

The features of the formation of the embassy service in the Russian lands of the 13th-16th centuries are analyzed. In particular, the circle of people at different times involved in organizing and maintaining contacts with the Golden Horde and the states that became its heirs is considered: Baksheys, Begoulis, Kiliches, Tolmachis, Grand Ducal serving Tatars (Horde, Deluy, Chislyaks). It is concluded that many well-known components of the diplomatic service arose from the need to maintain constant contacts between the Russian principalities and the Horde khans. The terminology denoting the circle of persons involved in this was borrowed from the Horde clerical practice. However, on Russian soil, their duties have undergone some evolution over time. The appearance of yamy is also considered as a necessary element to ensure uninterrupted contacts between the khan and the Russian princes. Initially arose to serve ambassadors and transport tribute to the Horde, this institution changed over time. Observations on the geography of

the distribution of yamy in the 16th-17th centuries makes it possible to identify the earliest embassy roads to the Horde.

Ключевые слова

Русские княжества, Московское государство XV-XVI вв., служилые татары, толмачи, бегоули, бакшей, киличей, посольская служба, ямы.

Keywords

Russian principalities, Moscow State 15th-16th centuries, serving Tatars, interpreters, begouli, bakshei, kilichei, embassy service, yamy.

Завоевание русских княжеств в первой половине XIII в. Монгольской империей поставило необходимость создания служб, специализирующихся на обслуживании всех контактов между победителями и побежденными. Эти взаимодействия имели различный характер: прием ордынских послов; визиты князей в ханскую ставку; отправление собранной дани. Когда с распадом империи верховным сюзереном русских земель стал хан Золотой Орды, ничего не изменилось. Элементы служб (далее мы будем называть их посольскими), обеспечивавших бесперебойные контакты между ханом и великими князьями сохранились и получили дальнейшее развитие. Логично предположить, что в русских землях была воспринята ордынская терминология для обозначения лиц, осуществлявших эти контакты. Также здесь заимствовались отдельные обычаи завоевателей, такие как полное обеспечение прибывающих посольств. Ордынская канцелярия¹, приезды русских князей к ханам², отдельные элементы структур занимающихся организацией контактов со степью³, посольские пути⁴ уже становились предметом исследования. Но как устойчивая и развивающаяся система посольская служба с XIII в. до создания Посольского приказа практически не изучалась. Исключением стали только временные «комиссии» Боярской думы, возникавшие для ведения тех или иных переговоров⁵. В нашем распоряжении находится крайне ограниченный круг источников, позволяющий выяснить, как происходило становление института внешних сношений⁶ на русских землях в до царский период. Что за люди к этому привлекались, и какие функции они выполняли. Но все же имеющиеся архивные свидетельства позволяют в общих чертах обрисовать посольскую службу в XIII-XVI вв. Этот период включает в себя временной отрезок от ордынского завоевания до создания Посольского приказа.

На договорной (докончальной) грамоте 1270 (1268-1269) г. Новгорода Великого с великим князем владимирским и тверским Ярославом Ярославовичем на обороте имеется запись сделанная уставом, и являющаяся современной самому памятнику: «се приехала послы от Менгоу-Темира царя сажат Ярослава с грамотою Чевгоу да байши»⁷. А. В. Черепнин пришел к выводу о том, что помету, по-видимому, сделали в Твери. Исследователь воспринял слово «байши» как имя второго посла. Мы, однако, склонны видеть в нем отсылку на его должность – бакши, бакшей. Князь для того, чтобы получить контроль над Новгородом обратился за татарской помощью. Послы, похоже, приехали специально для этого. Рассмотрим, что представляли собой бакшей.

В свое время В. В. Бартольд дал емкое объяснение данному термину: «Бахши – заимствованное (вероятно, из санскр. бхикшу) слово, появившееся в восточнотюркском и персидском языках в монгольскую эпоху; обозначает, прежде всего, буддийское духовенство и в этом значении соответствует китайскому хо-шан, тибетскому лама и уйгурскому тойн. Писцы тюркского

происхождения, которые должны были составлять документы уйгурским шрифтом, предназначенные для тюркского и монгольского населения, также назывались бахши. В государстве индийских Бабуридов бахши назывался крупный чиновник, который ведал отчетностью отдельных воинских частей и выплачивал им жалованье. В настоящее время у калмыков, монголов и маньчжуров это слово обозначает высокое духовное звание, у киргизов (диалектные формы баксы и бакса) – колдуна и прорицателя, исцеляющего больных заклинаниями, у туркмен – народного певца (и у киргизов баксы сопровождает свои заклинания звуками своего музыкального инструмента, кобуза)»⁸. Существует иное этимологическое объяснение данного понятия. К. Райхл считает, что оно произошло от древнекитайского пак-ши (в современном китайском бо-ши) – мастер, учитель⁹. Бакшей уйгурского происхождения долгое время составляли заметную часть в ордынских канцеляриях. В государстве Хулагуидов (Персия) в их ведении находилась дипломатическая переписка и сношения с иностранными государствами¹⁰. В других источниках отмечается, что там так называли писцов составлявших документы уйгурским письмом. Писцы, специализирующиеся на подготовке документов арабской графикой, назывались катибами или мунши¹¹.

Лица, находящиеся в этой должности или же обладающие родовым прозвищем, произошедшим от названия профессии их предков (Бакшеевы) часто встречаются в русских документах XV-XVI вв. Хотя они должны были появиться здесь несколько раньше. По-видимому, эти люди отвечали за организацию контактов русских князей с ордынскими ханами. Также в их ведении, похоже, находилась вся переписка с Ордой. Обратим внимание на то, что русский термин дьяк (делопроизводитель, человек связанный с пением, представитель культа) является практически калькой понятия бакшей. Первоначально бакшей в русских землях, похоже, были уйгурского происхождения. Позднее с переходом в православие они русифицировались, или же им на смену пришли русские знатоки уйгурской графики. Со временем лица в такой должности исчезают из Московской великокняжеской канцелярии. Параллельно с этим они устойчиво фиксируются в окружении удельных князей или же их наследников, к тому времени потерявших это положение. При этом бакшей выступают как несвободные слуги с высоким статусом. С конца XV по конец XVI в. бакшеями в Москве начинают называть высококлассных переводчиков восточных языков. Они отличались крайне значительными для специалистов по иностранным языкам денежными и поместными окладами и, по-видимому, доверием со стороны великого князя или царя. По крайней мере, им поручали наиболее важные переводы и не отправляли в посольские посылки, предпочитая всегда иметь под рукой¹².

В таком случае, приезд из Орды в конце XIII в. в составе посольств к русским князьям бакшеев был не случаен. В их должностные обязанности, по-видимому, входил перевод и составление документов. Но здесь возникает другой вопрос. В литературе и источниках регулярно отмечается, что ордынская канцелярия вела переписку с народами, входившими в состав империи, на их родных языках. Однако документация в русские земли шла на тюркском языке уйгурской графикой¹³. Данное явление еще ждет своего объяснения. Пока же можно говорить, что в русских княжествах бакшей из писцов трансформировались в организаторов всех официальных контактов с Ордой. Укажем, что бакшей также фиксируются в Казанском, Астраханском и Крымском ханствах, Ногайской Орде. Имеются косвенные упоминания

о них в Турции и Великом княжестве Литовском. В Литве не существовало отдельной дипломатической службы, а функции русских бакшеев, похоже, выполняли татарские писари, но это слово здесь также было известно¹⁴.

Бакшеи далеко не единственные лица в русских землях, обеспечивающие устойчивость связей с ордынскими ханами и их чиновниками. В жалованной тарханной несудимой грамоте ярославского князя Василия Давидовича (Грозного) Спасо-Ярославскому монастырю (ок. 1320 г.) читаем: «пожаловал есмь: что людей святаго Спаса в городе и в селах, урек есмь им на год два рубля давати, а не надобе им никоторая дань, ни ям, ни подвода, ни тамга, ни возмниче, ни бобровое, ни стану не чинят в селех спаских, ни дворского не емлют, ни иного ничего не емлют, ни становщик не въездит, ни о чем же, ни бегоули мои не имают людей спаских в сторожу, ни в корму»¹⁵. В настоящее время термин бегоули переводится как пристав¹⁶. В Монгольской империи бокевюлями (bökevül) называли придворных и военных чиновников. Они могли выполнять различные функции, связанные с дворцовой кухней (повар, надзиратель за кухней, дегустатор, начальник протокола и др.). В армии так называли лиц, стоявших сразу же за эмирами, в ведении которых находилось снабжение армии. По одной из версий это производное от китайского заимствования – бокесун (bökesün) – чиновник, занимающийся исключительно фуражом. Так же называли судебных приставов. Бокевюль переводится как «слуга, который наклоняется»¹⁷. Это наводит на мысль о том, что данные служащие могли выполнять функции по представлению кого-либо монарху. А это уже непосредственные обязанности приставов, в том числе и при различных посольствах. Показательно, что бегоули упоминаются именно в ярославских документах. Дело в том, что бабка Василия Давидовича, княгиня Анна (вторая супруга Федора Ростиславича Черного) являлась ордынской принцессой¹⁸. Логично предположить, что этот термин мог быть позаимствован в местной великокняжеской канцелярии, в том числе и благодаря этому факту¹⁹.

Бегоули только раз упоминаются в роли, близкой к приставам при посольствах. Однако на протяжении XV-XVI вв. в жалованных грамотах в той же должности неоднократно отмечены толмачи. В наиболее ранней из них, жалованной грамоте великого князя Ивана III Васильевича Троице-Сергиеву монастырю датируемой 1467-1474 гг., содержится близкий текст: «и хто у них в том селе и деревнях имет жити людей, ино у них не ставятца мои князи, и воеводы, и дети боярские, и всякие ездоки, и кормов, и подвода, и проводников не емлют; и приставы мои и толмачи татар не ставят, и кормов и проводников не емлют»²⁰. Для нас важно, что толмачи устойчиво упоминаются в связке с татарами и отмечены в однотипных документах с бегоулями. Отметим, что в первой половине XVI в. в приставах для встречи польско-литовских послов направлялись государевы конюхи²¹. Но здесь следует учитывать тот факт, что в то время польский и русский языки еще были довольно близки и их носители могли общаться без посредников. Кроме татар в должности толмачей, в том числе и татарского языка, отмечаются и люди с явно русскими именами. Данный факт в рамках рассматриваемой нами проблемы не столь важен. Хотя указать на него все же следует.

Слово толмач (tylmaç) тюркского (кыпчакского) происхождения²². В русском языке оно начинает фиксироваться довольно поздно, только на рубеже XIV-XV вв. и связано с поездкой в 1379 г. архимандрита Митяя в Царьград²³. Хотя наиболее раннее выявленное на настоящий момент упоминание этого

термина относится к 1261 г. Это сообщение Ипатьевской летописи: «И посла (хана Бурандая. – А. Б.) с Василком три татарине ... и к тому толмача розумеюща русский язык»²⁴. Однако, здесь следует учитывать, что список рукописи относится к 1420-м гг. В древнерусском языке для обозначения переводчика (толмача) использовалось еще одно слово – «толк»²⁵. В Новгородских землях оно применялось еще в первой половине XV в.²⁶ Отсюда в том же значении было заимствовано в немецком (tolk), литовском (tulkas), латышском (tulks) и эстонском (tulk) языках²⁷. Можно предположить, что замена «толк» на «толмач» на западе русских земель произошла около середины XV в. В Москве этот переход, похоже, осуществился несколько ранее. Данный термин употреблялся здесь весь XV в. А вот о XIV в. следует говорить очень осторожно. К примеру, в Лаврентьевской летописи этот термин не употребляется. Имеется еще одно косвенное доказательство позднего проникновения слова толмач в русский язык. В былинах киевского цикла оно не упоминается. А вот поздние былины его уже знают. Хотя нам удалось встретить его только единожды (былина «Лука, змея и Настасья»)²⁸.

В Литовской метрике толмачи регулярно встречаются, начиная с правления великого князя Казимира IV Ягеллончика (1440-1492 гг.). За редким исключением документы за этот период не датированы. Однако косвенные данные, в том числе упоминание крымского хана Менгли-Гирея, позволяют отнести их к 1470-1480-м гг.²⁹

Важно понять, кем были эти толмачи. Как минимум с XIV в. в русских княжествах начинают формироваться группы служилых татар, в функцию которых входило сопровождение князей и дани в Орду (ордынцы, делюи, числяки). Их количество (число лиц получавших великокняжеское жалование) было фиксировано. Поэтому иногда документы называют таких татар численными людьми (числяки). Данное утверждение требует дополнительного обоснования. Возможно, под численными людьми следует видеть московский аналог «кладежных людей» Рязанского княжества. По сведениям рубежа XV-XVI вв. они делились на отряды по 100 и 50 человек, которые в свою очередь состояли из станиц по 3-7 татар во главе со станичным головой. Станица являлась минимальным подразделением способным выполнять собственные миссии. В соответствии от ставившихся конкретных задач количество станиц в каждой посылке сильно варьировалось. Во второй половине XVI в. сотни и полусотни не фиксируются. Станицы же известны еще в XVII в. Служилые татары отмечаются в Московском, Рязанском, Тверском и целом ряде удельных княжеств. По мнению А. А. Горского, делюями таких служилых людей называли в уделе Владимира Андреевича Серпуховского и его потомков. При присоединении к Московскому княжеству новых территорий, такие подразделения переводились в Москву или же теряли данную специализацию. Их служба, как правило, имела семейный и наследственный характер. В настоящее время известны семьи, в которых непрерывная служба в станичниках (великокняжеских татарах) документально фиксируется на протяжении полутора веков. Испомещали их довольно компактно и близко от стольных городов. При этом они, по-видимому, одними из первых были переведены на поместную систему вознаграждения за службу. Важно отметить, что в целом ряде случаев в XVI в. толмач выступает как синоним для станичного головы. Поэтому толмачи из жалованных грамот монастырям, по-видимому, имеют самое прямое отношение к великокняжеским служилым татарам.

При образовании Посольского приказа их зачислили туда в статусе станичников (служилых татар Посольского приказа) и толмачей. При этом еще на рубеже XVI-XVII вв. понятия станичника (служилого татарина) Посольского приказа и толмача далеко не всегда можно было развести. В ряде случаев они были взаимодополняемыми³⁰.

Отметим тот факт, что в русских землях термин толмач длительное время был универсальным определением для специалистов по устному и письменному переводу. Слово переводчик (специалист по письменному переводу) фиксируется только с последней трети XVI в. Однако в более ранний период для обозначения особой категории специалистов по восточным языкам, по-видимому, кроме бакшеев и толмачей некоторое время использовали еще и такой термин как киличей. Киличеями (келемечи, kelemeçi) в ордынских канцеляриях называли переводчиков и, возможно, дипломатического представителя рангом ниже посла³¹. В русской традиции этот термин, похоже, несколько трансформировался. Киличеи известны в Москве и Твери во второй половине XIV в. Здесь их статус был явно выше. Так могли называть лиц, не редко бояр, выполнявших посольские функции, и при этом хорошо владевших восточными языками³².

Вопрос с языком, на котором взаимодействовали русские князья и представители ханской администрации не так-то прост. М. В. Моисеев показал, что в конце XV-XVI в. языком общения с народами Востока был тюркский³³. В более ранний период ситуация, по-видимому, была аналогичной. Однако вначале официальная ханская переписка велась с использованием уйгурской графики, и только позднее стала заменяться арабской. Бакшей раннего периода должны были знать уйгурское письмо. Об этом, в частности, говорят уйгурские приписки на великокняжеских документах, а также мода на вертикальные монограммы русских дьяков³⁴. Но во второй половине XVI в. уйгурицу в Москве уже никто не понимал. Об этом отчетливо свидетельствует запись из описи царского архива: «Ящик 148. А в нем дефтери старые от Батыя и от иных царей; переводу им нет – никто перевести не умеет»³⁵.

Таким образом, на настоящий момент можно говорить о следующих лицах, в разное время участвовавших в организации контактов с Ордой: бакшей, киличей, бегоули, служилые татары (ордынцы, делюи, численные люди), толмачи. При этом подобные структуры, по-видимому, существовали во всех великих княжествах. Наиболее отчетливо они прослеживаются в Москве и Рязани.

Помимо этого в Улусе Джучи известна особая служба, занимающаяся обслуживанием посольств. Вильгельм де Рубрук сообщает: «Мы жили там вместе с другими послами, да и вообще с послами при дворе Бату поступают иначе, чем при дворе Мангу. Именно при дворе Бату есть один Ям на западной стороне, который принимает всех прибывающих с запада, также обстоит и касательно других стран мира. А при дворе Мангу все вместе находятся под властью одного Яма и могут посещать друг друга и видаться. При дворе Бату они не знакомы друг с другом, и один не знает про другого, посол ли он, так как они не знают помещений друг друга и видятся только при дворе. И, когда зовут одного, другого, может быть, и не зовут, ибо они ходят ко двору только по зову». Ведал этим хозяйством чиновник должность которого называлась ямьям³⁶. Данное известие интересно для нас сразу с нескольких сторон. Во-первых, описываемая система крайне близка правилам, применяющимся к иностранным миссиям в Москве XVI-XVII в. Здесь

также посольствам выделяли особые постоянные дворы и следили за тем, чтобы посланцы от разных государей не общались между собой. Во-вторых, данное сообщение заставляет нас искать аналог подобного учреждения в русских княжествах. Возможно, самое прямое отношение к ним имеют упомянутые в 1496 г. в Рязанском княжестве «кладежные люди... кои послов кормят»³⁷.

Посольский приказ, выполнявший функции, которые в Орде были присущи дипломатическому отделу ханской канцелярии и Яма, впервые упоминается только в 1549 г. То, что было до этого непонятно. Однако здесь можно сделать несколько предположений. Ямская служба по инициативе ханов была организована и на русских землях³⁸. Однако экономически оправдывалось это нововведение только при наличии значительного и относительно регулярного передвижения между ямами-станциями. В условиях разреженного населения, а также периферийности русских земель по отношению к иным центрам Золотой Орды, данное нововведение явно должно было быть убыточным, если не подразумевало кроме доставки корреспонденции также транспортировку через ямы в степь дани и иных выплат. Если допустить, что значительная часть денежных средств шедших в Орду вывозилась не в относительно компактном серебре, а в виде засчитывающихся в денежную сумму поставок продуктов и изделий (в первую очередь хлеб и меха), то тогда подобная служба становилась актуальной. На ямах следовало содержать значительное количество построек для передвигающихся лиц, лошадей, еды для них, а также направлявшихся в степь товаров.

Но здесь мы наталкиваемся на крайнюю скудность источников, которая не позволяет нам во всех подробностях реконструировать подобную службу. А интерпретировать имеющиеся сведения можно в более чем значительном диапазоне. М. М. Бенцианов рассматривает деятельность ямских дьяков на местах как временную, не очень почетную службу, даваемую в кормление. Статус кормленщика должен был сделать более привлекательной для представителей местного служилого сообщества службу по организации ямской гоньбы. При этом исследователь создает картину, по которой система ямов уже в XV – первой половине XVI в. представляла собой очень разветвленную сеть, частично унаследованную еще от ордынских времен³⁹. Д. В. Лисейцев, анализируя сведения о ямских дьяках XVI в., приходит к вполне обоснованному выводу о том, что на самом деле они относились к ведомству Большого дворца. А ям представляет собой хранилище, принадлежавших великому князю продовольственных запасов⁴⁰. Однако исследователь связывает ямы только с Сытным двором. На самом деле на ямах широко разбросанных по территории государства должно было храниться не только питье. Иначе трудно объяснить, почему посольства двигались от яма к яму. В конце XVI в. здесь, в частности, мог храниться хлеб, собираемый на государя с десятинной пашни⁴¹. В более ранний период это могло быть зерно, отправляемое в Орду в уплату дани. По-видимому, практика, фиксируемая в XVI-XVII в., когда податное население не только выплачивало на имя государя натуральные подати (зерно, мех, мед), но также за свой счет должно было привезти в назначенное место или же заплатить за доставку определенную денежную сумму, также имела ордынские корни. Отметим, что обеспечение, как русских, так и иностранных посольств при продвижении от границы к Москве и обратно имело множество аспектов, включающих взаимодействие с властями и социумом на местах и требующих отдельного исследования⁴².

Таким образом, мы вплотную подходим к проблеме выявления путей передвижения посольств. Логично предположить, что многие из них были более чем консервативны и активно использовались еще в XVI-XVII вв. В те времена передвигаться можно было по суше, верхом или же на телегах, а так же по воде. Речной транспорт в особенности был удобен для перевозки больших объемов грузов. Хотя использовали его и для передвижения посольств. И. Я. Гурлянд по посольским книгам установил несколько таких маршрутов. Его наблюдения интересны для нас в первую очередь тем, что дорога посольств отмечается как движение от яма к яму⁴³. Дело о приезде в Москву плененных в августе 1598 г. жен и детей сибирского хана Кучума позволяет нам отчасти реконструировать путь от Ярославля до Москвы. Со значительными лакунами он выглядел следующим образом: Ярославль – Ростов – Переяславль Залесский – Радонеж – с. Тонино (Тайнинское) – с. Растокино – Москва⁴⁴.

Еще одна дорога, по которой могли двигаться ордынские посольства, проходила из Москвы через Коломну. В. Л. Егоров предположил, что в XIII в. город находился под непосредственным управлением Золотой Орды и до времени Ивана Калиты передавался в качестве наследственного владения крупной золотоордынской семье⁴⁵. Однако его выводы основываются на слишком вольной интерпретации сведений духовных и договорных грамот московских князей⁴⁶. Но все же в 1390 г. в городе отмечается присутствие некоего посла⁴⁷. Если представителя Орды разместили в городе, значит, мы можем предположить, что здесь имелась определенная инфраструктура по обслуживанию подобных лиц (люди, обеспечивающие охрану, материальное содержание, переводчики, особые дворы для постоя). Укажем на то, что в Коломне и Коломенском уезде традиционно проживала значительная часть великокняжеских (царских) служилых татар, обеспечивавших контакты с Золотой Ордой, а далее ее государствами-наследниками⁴⁸. В городе в середине XVI в. проживал бакшей. При этом его двор непосредственно граничил с великокняжескими хоронами⁴⁹.

Дорога из Крыма до Владимира частично реконструируется А. В. Азовцевым. На степном ее участке приходилось рассчитывать не на обустроенную дорогу, а на верно взятое направление. Однако в период длительного мира в регионе на этом пути могли находиться и некие опорные пункты на подобии караван-сарая. В лесистой зоне к тому же пересекаемой множеством рек следовало опираться на броды и уже существующие дороги. Рассматриваемая исследователем дорога довольно точно совпадает с линией, соединяющей в Атласе Менде полуостров Чонгар (ныне Херсонская область) и г. Владимир. Если посольская дорога проходила именно так, то это значительно упрощало ориентацию в степи. На русских приграничных землях эта линия нанизывает на себя ряд объектов (они находятся в непосредственной близости от нее): устье р. Непрядвы – Лубянское городище – г. Михайлов (Рязанская область) – с. Подлесное (Выползово) (Рязанский район Рязанской области), до XVI в. в селе находился Иоанно-Богословский монастырь. Далее дорога шла в низовье р. Вожи. Брод через реку предположительно проходил там, где располагалась дорога из г. Рыбное в с. Источники (Рыбновский район Рязанской области). Река здесь наиболее широка и, следовательно, мелка. Далее путь лежал в сторону Николо-Радовицкого монастыря и далее на Владимир. Броды через р. Оку находились где-то в районе с. Сельцы (Рыбновский район Рязанской области) или же с. Белоомут (Луховицкий район Московской области). Первый проходил по Камориной, а второй по Кермединовой дороге.

Путь на Москву был одним из боковых ответвлений по дороге на Владимир и следовал вдоль Оки вверх по течению, по направлению к Коломне (возможно по большой зимней Московской дороге)⁵⁰. Исследователь подчеркивает, что вдоль этой линии ранее находилось значительное количество монастырей. Позднее, когда главные торговые магистрали переместились, они также меняли свое местоположение или же со временем исчезли. А. В. Азовцев отметил, что последний участок дороги совпадает с маршрутом паломников, описанным М. Н. Макаровым и действовавшим еще в первой половине XIX в. Интересно, что один из населенных пунктов через который проходила дорога было с. Купля, Ям тож (Егорьевский район Московской области)⁵¹. Добавим еще два соображения, косвенно подтверждающие эту версию. До второй половины XVII в. в Иоанно-Богословском монастыре хранилась золотая печать хана Батыя (пайцза), которая служила охранным документом для обители⁵². Отметим также регулярное упоминание в великокняжеских и царских жалованных грамотах ряду монастырей пункта, запрещающего ставить в монастырских селах толмачей и послов, о чем мы писали выше. По-видимому, эти два момента также являются вполне четкими маркерами для выявления посольских дорог. Но эта работа только начинается и сопряжена с большими трудностями, в первую очередь слабой сохранностью источников. На помощь здесь могут прийти данные археологии, а также анализ древних карт и топонимики. К тому же следует учитывать, что транспортные артерии, в том числе и посольские дороги, по тем или иным причинам постоянно меняли свое направление. Наиболее отчетливо это прослеживается на примере дороги в Крым. На протяжении второй половины XVI-XVII в. путь посольств из-за постепенного продвижения русских городов в степь неоднократно частично менялся. Возможно, степные пути помогут выявить нахождение здесь остатков неких однотипных строений, расположенных вдоль одних линий на приблизительно одинаковом расстоянии. В таком случае они станут наглядной иллюстрацией расхожего штампа из посольской переписки XVI в., описывающего следующую идиллическую ситуацию: «И между бдву юртов сироты и вдовы ходили в золотых венцах»⁵³.

Д. В. Лисейцев поставил вопрос о том, что послужило ядром формирования на рубеже XV-XVI в. приказной системы – Дворец или же Казна. Вступая в полемику со своими предшественниками, он утверждает, что это был Дворец⁵⁴. На самом деле картина была более сложной. По-видимому, великокняжеские Казна и Дворец имели одинаково большое значение. Но не одно из этих учреждений не могло самостоятельно решить постоянно возникающие новые государственные задачи. В частности, обеспечение бурно развивающихся с последней четверти XV в. дипломатических контактов Московского государства. Здесь требовалась координация множества ведомств. Это в конечном итоге и стало причиной возникновения в середине XVI в. Посольского приказа. Он всегда обладал более чем скромными собственными доходами⁵⁵. Однако для поддержания возложенных на него миссий выступал своеобразным диспетчером для иных приказов, в той или иной мере задействованных в обслуживании внешнеполитических потребностей государства. К этому времени основные элементы посольской службы уже существовали. Оставалось их только окончательно объединить. Исследователи спорят о степени византийского и ордынского влияния на русский придворный и посольский церемониалы⁵⁶. На организацию внешнеполитической службы ордынское влияние прослеживается отчетливо. Слишком долго русские

земли вынуждены были тесно взаимодействовать с ордынскими ханами. Нарботанные с XIII в. схемы поддержания контактов с Ордой были вполне успешны. Для контактов с западными странами выработанная модель требовала незначительных доработок. На первый взгляд в структуре созданного в середине XVI в. Посольского приказа эти заимствования просматриваются не так отчетливо. Однако все же прослеживаются. В посольских дьяках можно опознать ранних бакшеев, но уже без обязательного знания восточных языков. Служилые татары (станичники) и толмачи более отчетливо сохранили свои прежние обязанности. Здесь следует помнить о том, что созданной А. С. Белокуровым «классической» модели внешнеполитического ведомства на самом деле не существовало⁵⁷. Исследования показывают, что Посольский приказ был динамичной системой, которая постоянно подстраивалась под меняющиеся потребности государства⁵⁸. Последние следы основ посольской службы, заложенных еще в XIII в., исчезают только в XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Усманов М. А. Жалованные акты Джучиева Улуса XIV-XVI вв. – Казань, 1979; Абзалов Л. Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. – Казань, 2011.
2. Селезнев Ю. В. Русские князья в составе правящей элиты Джучиева Улуса в XIII-XV веках. – Воронеж, 2013.
3. Горский А. А. Московские «ордынцы» и «делюи». Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. – М., 2018. – С. 173-179; Зайцев И. В. Великокняжеские татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование // Служилые и ясачные люди в России XV-XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. – Челябинск, 2022. – С. 36-72; Беляков А. В. Бакшей – трансформация понятия // Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 60-71; Беляков А. В. Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // QUAESTIO ROSSICA. – Т. 9. – 2021. – № 3. – С. 886-902; Моисеев М. В. Семья гонцов Кадышевых: вехи служебной биографии. Исследования по истории Восточной Европы = Studia historica Europae orientalis. – 2020. – № 13. – С. 89-96; Моисеев М. В. Тенешевы-Бакшеевы: семья переводчиков и толмачей XVI в. Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетия. – М., 2019. – С. 83-87; Vásáry I. Mongol or Turkic? Notes on bükevül, a Military and Court Official of the Turco-Mongolian politics // The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday. – Bloomington: Indiana University 2009. – P. 195-207.
4. Юзефович Л. Путь посла. Русский посольский обычай. Обиход. Этикет. Церемониал. – СПб., 2007; Азовцев А. В. «Боище, иже на Воже»: от бывальщины к небылице. – Рязань, 2021. – С. 21-85; Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. – Ярославль, 1900.
5. Белокуров С. А. О посольском приказе. – М., 1906; Савва В. И. О посольском приказе в XVI в. – Харьков, 1917. – Вып. 1.
6. Словосочетание «внешние сношения» не совсем корректно для описания контактов русских земель с ордынскими правителями в период с XIII в. по последнюю четверть XV в. Тогда русские княжества являлись по формальному признаку одной из составных частей Золотой Орды.
7. Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV-XV веков. – М.; Л., 1948. – Т. I. – С. 237-238, 262-266.
8. Бартольд В. В. Собрание сочинений. Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. – М., 2002. – С. 501.

9. Райхл К. Тюркский эпос: традиции, формы, поэтическая структура. – М., 2008. – С. 60.
10. Абзалов А. Ф. Ханские писцы... – С. 168.
11. Абзалов А. Ф., Гатин М. С., Мустакимов И. А., Почекаев Р. Ю. К вопросу о монгольском делопроизводстве в Иране XIII-XIV вв. (на примере ярлыка о назначении бахши из «Да-стур ал-катиб») // Монголоведение. – 2022. – № 1. – С. 131-156.
12. Беляков А. В. Бакшей – трансформация понятия... – С. 60-71.
13. Абзалов А. Ф. Ханские писцы... – С. 72-76.
14. Беляков А. В. Бакшей – трансформация понятия... – С. 60-71.
15. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М., 1964. – Т. III. – С. 204.
16. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. – СПб., 1893. – Т. I. – С. 47; Веселовский Н. Мнимая должность букаульного тамговщика в Империи Чингиз-хана // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. 1916. – Пг., 1917. – Т. 26. – С. 201-204; Сатыбалов А. А. Социально-политические термины тюрко-язычных документов эпохи феодализма в некоторых языках северо-восточного Кавказа // Ученые записки ИИЯЛ Дагестанский филиал АН СССР. – Махачкала, 1958. – Т. 5. – С. 180-191. Данный термин встречается на русском севере еще в конце XVI в. (см.: Словарь русского языка XI-XVII вв. – М., 1975. – Вып. 1. – С. 85).
17. Vásáry I. Mongol or Turkic? Notes on bükevä, a Military and Court Official of the Turco-Mongolian polities // The Early Mongols. Language, Culture and History. Studies in Honor of Igor de Rachewiltz on the Occasion of His 80th Birthday. – Bloomington: Indiana University, 2009. – P. 195-207.
18. Селезнев Ю. В. Элита Золотой Орды. – Казань, 2009. – С. 38.
19. Автор выражает благодарность В. В. Тишину за консультацию.
20. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV-начала XVI в. – М., 1952. – Т. I. – С. 261. См. также: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – М., 1952. – Т. I. – С. 295; Акты феодального землевладения и хозяйства. – М., 1951. – Т. I. – С. 130.
21. Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб., 1882. – Т. 35. – С. 551; Михайлова И. Б. Служилые люди Северо-Восточной Руси в XIV – первой половине XVI века. – СПб., 2003. – С. 468; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. – СПб., 1848. – Т. 2. – С. 236-237, 252; Сборник императорского Русского исторического общества. – СПб., 1887. – Т. 59. – С. 22, 43.
22. Словарь русского языка XI-XVII. – М., 2011. – Вып. 29. С. 406; Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Перевод и дополнения О. Н. Трубачёва. – М., 2004. – Т. 4. – С. 72.
23. Полное собрание русских летописей. – Т. 15. – Ч. 1: Рогожский летописец. – Пг., 1922. – С. 124-132; Полное собрание русских летописей. – Т. 18: Симеоновская летопись. – СПб., 1913. – С. 121-125; Полное собрание русских летописей. – Т. 25: Московский летописный свод конца XV века. – М., 2004. – С. 198.
24. Полное собрание русских летописей. – Т. II: Ипатьевская летопись. – СПб., 1843. – С. 199. В той же летописи есть еще одно странное место с упоминанием этого же термина: «Мстиславу же поведавшю Данилови, «изъиди из града», Даниил же изыде с Дмитрием тысячким и с Глебом Зеремеевичем, и со Мирославом, изыдоша из града и быши противу Толмачю; угони и неверный Витович Володислав, наворотившеся на нь и прогнаша и и коня от него отъяша» (С. 161).
25. Словарь русского языка XI-XVII. – М., 2011. – Вып. 29. – С. 401.
26. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. – Л., 1949. – С. 96, 118-119.
27. Казакова Н. А. Загадочное слово «итолог» новгородских и псковских летописей // Труды отдела древнерусской литературы. – Л., 1969. – Т. 24. – С. 139-141.
28. Былины в 25 томах. – Т. II: Былины Печеры. – СПб., 2001. – С. 329.

29. Сборник Русского исторического общества. – СПб., 1910. – Т. 27. – Стб. 180, 199, 200, 202, 336, 286, 313, 320, 362, 456-459; *Banionis E. Lituvos didziosios kunigaikstystes pasiuntinybiu tarnyba XV-XVI amziais.* – Vilnius, 1998. – S. 186-205.
30. Горский А. А. Московские «ордынцы» и «делаюи»... – С. 173-179; Зайцев И. В. Великокняжеские татары... – С. 36-72; Беляков А. В. Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых... – С. 886-902; Моисеев М. В. Семья гонцов Кадышевых... – С. 89-96; Моисеев М. В. Тенешевы-Бакшеевы... – С. 83-87.
31. Абзалов Л. Ф. Ханские писцы... – С. 164-166.
32. Кузьмин А. В. На пути в Москву: очерки генеалогии военно-служилой знати Северо-Восточной Руси в XIII – середине XV в. – М., 2015. – Т. II. – С. 280.
33. Моисеев М. В. Переводчики и толмачи восточных языков в Московском государстве конец XV-XVI вв. // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. – 2021. – № 4. – С. 72-82.
34. Морозов Д. А. Уйгурские автографы московских дьяков (дополнение к древнерусской дипломатике) // Памяти Лукичева. Сборник статей по истории и источниковедению. – М., 2006. – С. 173-199; Грязнов А. А. Белозерские акты XIV-XVI вв.: исследование и перечень. – Вологда, 2019. – С. 93-135.
35. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. – М., 1960. – С. 32.
36. Цит. по: Абзалов Л. Ф. Ханские писцы... – С. 167.
37. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV-XVI вв. – М., 1950. – С. 335, 340.
38. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба...
39. Бенцианов М. М. Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2017. – Вып. 7. – С. 151-161.
40. Лисейцев Д. В. Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI – начале XVII века // Проблемы экономики и социокультурной истории Феодалной России. – М., 2010. – С. 137-145.
41. Беляков А. В. Раннее упоминание г. Воронежа в документах Посольского приказа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия История. Политология. Социология. – 2013. – № 1. – С. 181-183.
42. Моисеев М. В. «Проваленная миссия». Посольство М. Н. Тиханова в Иран 1613-1615 годах // Мининские чтения. – Нижний Новгород, 2012. – С. 351-359; Моисеев М. В. Царь, воевода, местный мир и дипломатия: к истории организации посольских миссий в России во второй половине XVI – начале XVII века // Земля и Власть в истории России. Сборник научных статей участников Всероссийской научной конференции памяти профессоров А. Г. Кузьмина, В. Г. Тюкавкина и Э. М. Щагина. – М., 2020. – С. 137-145.
43. Гурлянд И. Я. Ямская гоньба... – С. 52-54.
44. Беляков А. В. Документы о приезде в Россию плененных в августе 1598 г. детях и женах сибирского хана Кучума // Средневековые тюрко-татарские государства. – 2019. – № 11. – С. 93-118.
45. Егоров В. А. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. – М., 2009. – С. 41-42.
46. Мазуров А. Б. Средневековая Коломна в XIV – первой половине XVI вв. – М., 2001. – С. 374.
47. «А что ординская тягость и коломенский посол, коли еси был в своей очине, а то нам по розочту. А володимерьский послы, как ты выехал и свое очины, а тот ти протор не надобен» (Духовные и договорные грамоты... – С. 38). Этот отрывок указывает на две разновидности ордынских послов – владимирских и коломенского. Интересно, что в одном случае о них упоминается во множественном числе, а в другом в единственном.
48. Моисеев М. В. Тенешевы-Бакшеевы... – С. 83-87; Моисеев М. В. Землевладение служилых татар в Коломенском уезде в конце XVI в. (предварительные замечания) // Вестник Университета Дмитрия Пожарского. – 2017. – № 2. – С. 236-248.
49. Французова Е. Б. Города России XVI века: материалы писцовых описаний. – М., 2002. – С. 26.
50. Азовцев А. В. «Боище, иже на Воже»... – С. 44-85.

51. Макаров М. Н. Путешествие из Рязани в Радонежский монастырь // Вестник Европы. – 1827. – № 2. – С. 138-148.
52. Пискарев А. Обзорение древностей и достопримечательностей г. Рязани и ея уезда // Рязанские губернские ведомости. – 1845. – № 10. Неофициальная часть. – С. 59; Описание Свято-Иоанно-Богословского монастыря, находящегося в Рязанской епархии. – Рязань, 1998. – С. 14-15.
53. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 123, оп. 1, кн. 15, л. 99.
54. Лисейцев Д. В. Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI – начале XVII века // Проблемы экономики и социокультурной истории Феодалной России. – М., 2010. – С. 137-145.
55. Белокуров С. А. О посольском приказе. – М., 1906.
56. Савва В. И. Московские цари и византийские василевсы. К вопросу о влиянии Византии на образование идеи царской власти московских государей. – Харьков, 1901; Веселовский Н. И. Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории. – СПб., 1911.
57. Белокуров С. А. О посольском приказе...
58. Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. – М., 2003; Куненков Б. Н. Посольский приказ 1613-1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2007; Беляков А. В. Служащие Посольского приказа 1645-1682 гг. – СПб., 2017.

Список литературы

- Абзалов Л. Ф. Ханские писцы. Из истории становления и развития канцелярской службы ханов Золотой Орды. – Казань: «Яз», 2011. – 252 с.
- Белокуров С. А. О посольском приказе. – М.: Императорское Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1906. – 170 с.
- Беляков А. В. Бакшей – трансформация понятия // Восток. Афро-Азиатские сообщества: история и современность. – 2021. – № 4. – С. 60-71.
- Беляков А. В. Служилые татары из рода Баймаковых-Резановых на дипломатической службе Московского государства // Quaestio rossica. – Т. 9. – 2021. – № 3. – С. 886-902.
- Бенцианов М. М. Ямские дьяки и кормления. К постановке вопроса // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. – 2017. – Вып. 7. – С. 151-161.
- Горский А. А. Московские «ордынцы» и «делюи» // Вертоград многоцветный. Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. – М.: Индрик, 2018. – С. 173-179.
- Грязнов А. Л. Белозерские акты XIV-XVI вв.: исследование и перечень. – Вологда: Древности Севера, 2019. – 603 с.
- Гурлянд И. Я. Ямская гоньба в Московском государстве до конца XVII века. – Ярославль: Типография Губернского правления, 1900. – 339 с.
- Зайцев И. В. Великокняжеские татары в XV – первой половине XVI в. и их землевладение в Московском крае. Историко-генеалогическое исследование // Служилые и ясачные люди в России XV-XIX вв.: особенности землевладения, сословные номинации. – Челябинск: Библиотека А. Миллера, 2022. – С. 36-72.
- Куненков Б. Н. Посольский приказ 1613-1645 гг.: структура, служащие, делопроизводство: дис. ... канд. ист. наук. – Брянск, 2007. – 586 с.
- Лисейцев Д. В. Ямской приказ: компетенция учреждения в XVI – начале XVII века // Проблемы экономики и социокультурной истории Феодалной России. – М.: ИРИ РАН, 2010. – С. 137-145.
- Лисейцев Д. В. Посольский приказ в эпоху Смуты. – М.: ИРИ РАН, 2003. – 485 с.
- Моисеев М. В. Переводчики и толмачи восточных языков в Московском государстве конец XV-XVI вв. // Восток. Афро-Азиатские общества: История и современность. – 2021. – № 4. – С. 72-82.

References

- Abzalov L. F. *Khanskie pistsy. Iz istorii stanovleniya i razvitiya kantselyarskoj sluzhby khanov Zolotoj Ordj* [Khan's scribes. From the history of the formation and development of the clerical service of the khans of the Golden Horde]. Kazan, "YaZ" publ., 2011, 252 p.

Belokurov S. A. *O posolskom prikaze* [About the embassy order]. Moscow: Imperatorskoe Obshchestvo istorii i drevnostey rossijskikh pri Moskovskom universite publ., 1906, 170 p.

Belyakov A. V. *Bakshai – transformatsiya ponyatiya* [Bakshai – transformation of the concept]. IN: *Vostok. Afro-Aziatskie soobshchestva: istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian societies: history and modernity.], 2021, no. 4, pp. 60-71.

Belyakov A. V. *Sluzhilye tatary iz roda Bajmakovykh-Rezanovykh na diplomaticheskoy sluzhbe Moskovskogo gosudarstva* [Serving Tatars from the Baimakov-Rezanov clan in the diplomatic service of the Moscow State]. IN: *Quaestio rossica*, 2021, vol. 9, no. 3, pp. 886-902.

Bentsianov M. M. *Yamskie dyaki i kormleniya. K postanovke voprosa* [Yamsky dyaks and feedings. To posing the question]. IN: *Drevnyaya Rus: vo vremeni, v lichnostyakh, v ideyakh* [Ancient Russia: in time, in personalities, in ideas], 2017, vol. 7, pp. 151-161.

Gorskij A. A. *Moskovskie "ordyntsy" i "delyui"* [Moscow "Horde" and "Deluy"]. IN: *Vertograd mnogotsvetnyi. Sbornik k 80-letiyu Borisa Nikolaevicha Flori* [Vertograd multicolor. Collection for the 80th anniversary of Boris Nikolaevich Flori]. Moscow, Indrik publ., 2018, pp. 173-179.

Gryaznov A. L. *Belozerskie akty XIV-XVI vv.: issledovanie i perechen* [Belozersky acts of the XIV-XVI centuries: research and list]. Vologda: Drevnosti Severa publ., 2019. 603 p.

Gurlyand I. Ya. *Yamskaya gonba v Moskovskom gosudarstve do kontsa XVII veka* [Yamskaya chase in the Muscovite state until the end of the 17th century]. Yaroslavl, Tipografiya Gubernskogo pravleniya publ., 1900, 339 p.

Zajtsev I. V. *Velikoknyazheskie tatary v XV – pervoy polovine XVI v. i ikh zemlevladienie v Moskovskom krae. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie* [Grand Duke Tatars in the 15th – the first half of the 16th century and their land ownership in the Moscow region. Historical and genealogical research]. IN: *Sluzhilye i yasachnye lyudi v Rossii XV-XIX vv.: osobennosti zemlevladieniya, soslovnye nominatsii* [Servicemen and yasak people in Russia in the 15th-19th centuries: features of land ownership, class nominations]. Chelyabinsk, Biblioteka A. Millera publ., 2022, pp. 36-72.

Kunenkov B. N. *Posolskij prikaz 1613-1645 gg.: struktura, sluzhashchie, deloproizvodstvo: dis. ... kand. ist. nauk* [Ambassadorial order of 1613-1645: structure, employees, record keeping: diss. of the Cand. of Hist. Sci.]. Bryansk, 2007, 586 p.

Lisejtsev D. V. *Yamskoj prikaz: kompetentsiya uchrezhdeniya v XVI – nachale XVII veka* [Yamskoy order: competence of the institution in the 16th – early 17th centuries]. IN: *Problemy ekonomiki i sotsiokulturnoy istorii Feodalnoj Rossii* [Problems of economics and sociocultural history of Feudal Russia]. Moscow, IRI RAN publ., 2010, pp. 137-145.

Lisejtsev D. V. *Posolskij prikaz v epokhu Smuty* [Ambassadorial order in the era of Troubles]. Moscow, IRI RAN publ., 2003, 485 p.

Moiseev M. V. *Perevodchiki i tolmatchi vostochnykh yazykov v Moskovskom gosudarstve konets XV-XVI vv.* [Translators and interpreters of oriental languages in the Moscow state, end of the 15th-16th centuries]. IN: *Vostok. Afro-Aziatskie obshchestva: Istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian societies: History and modernity], 2021, no. 4, pp. 72-82.

Сведения об авторе

Беляков Андрей Васильевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, e-mail: belafeb@yandex.ru

About the author

Belyakov A. Vasilyevich, Doctor of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, e-mail: belafeb@yandex.ru

В редакцию статья поступила 10.05.2023, опубликована:

Беляков А. В. Посольская служба в русских землях в XIII-XVI вв. // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2023. – № 4. – С. 6-19.

Submitted on 10.05.2023, published:

Belyakov A. V. *Posol'skaya sluzhba v russkikh zemlyakh v XIII-XVI vv.* [Embassy service in Russian lands in the XIII-XVI centuries]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2023, no. 4, pp. 6-19.